

Актриса, и ЭТИМ все сказано

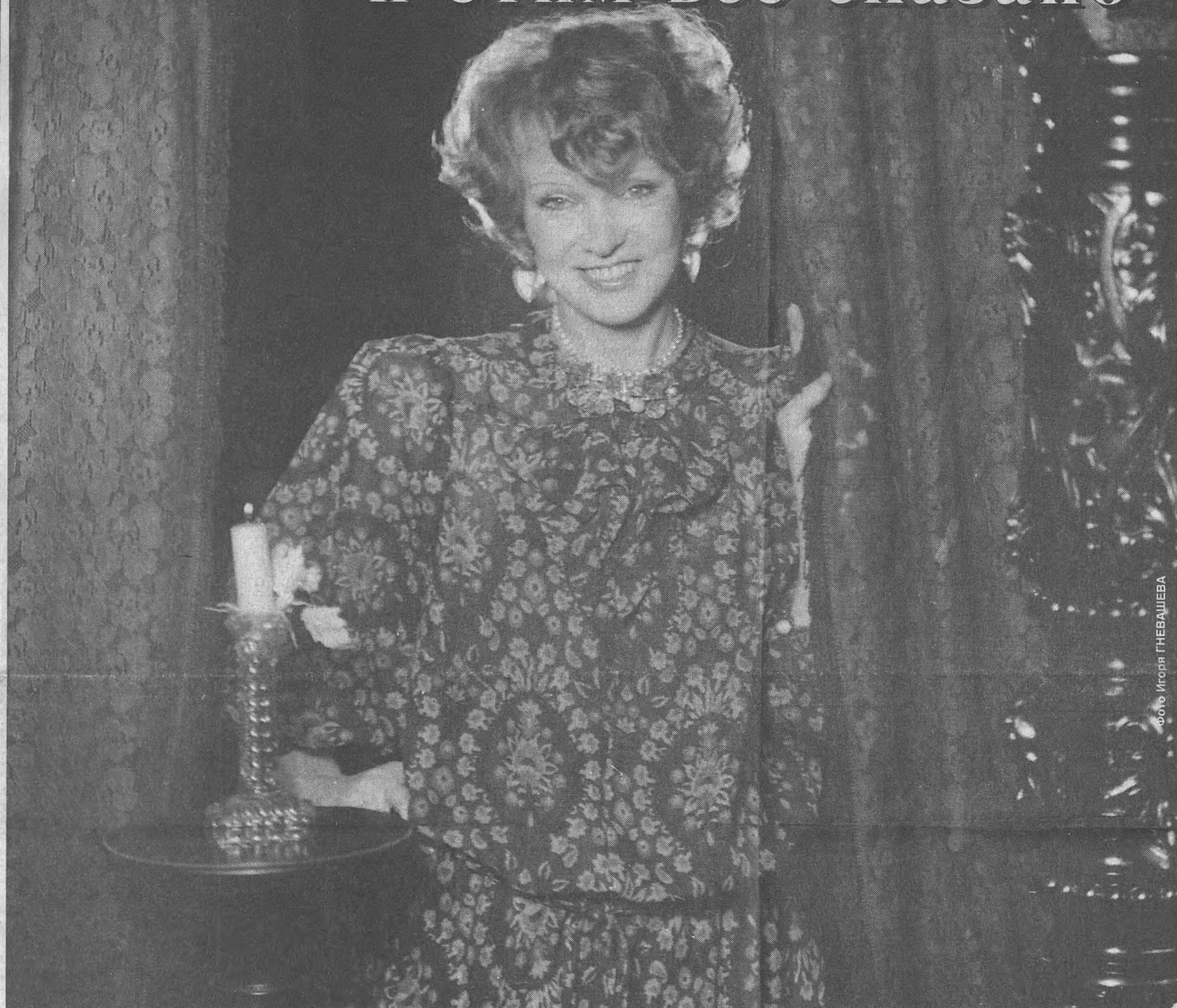

фото Игоря ГНЕВАШЕВА

Анатолий ГРЕБНЕВ

Культура. — 1995
— Индекс. — С. 1

еще она пишет книги. Написала две, обе изданы.

А еще — сочиняет песни: стихи и музыку.

А еще — может напеть наизусть целую оперу, чему я сам свидетель.

А еще — замечательно произносит речи с трибуны, чему я тоже свидетель. Надеюсь только, что не ударилась сейчас в политику, как другие.

Людмила Гурченко — актриса. Актрисой она родилась. Все остальное — от избытка таланта, который даровала ей природа.

Ее путь к успеху был нелегким, даже, можно сказать, драматичным. Рано узнала славу. Проснулась знаменитой. Вся страна смотрела “Карнавальную ночь”. Тогда фильмы смотрела еще вся страна. Потом наступили годы глухой тишины. После “Девушки с гитарой” о ней забыли. В театре не прижилась. Вот она, наша неблагодарность: спела, что могла, — и спасибо, больше не надо. “Пять минут, пять минут...”

А могла она гораздо больше. Жизнь ее только начиналась, судьба была впереди. Не на пять минут пришла она в искусство. Этого тогда, быть может, никто не знал, кроме нее самой.

Когда-то в Пицунде, на “Старых стенах”, в экспе-

диции, я неосторожно заметил ей: что же ты так мотаешься, летаешь туда-сюда на съемки — то в Душанбе, то еще куда-то, ведь у тебя здесь центральная роль, стоит ли мотаться!

Помню ее ответ: а знаешь ли ты, что это такое, когда у тебя шесть лет не звонит телефон? У меня шесть лет не звонил телефон. С тех пор я ни от чего не отказываюсь, ни от какой работы.

Знала, что такое работник в семье. Сама тянула дом, воспитывала дочку.

Она гениально сыграла это в “Рабочем поселке”. И в “Пяти вечерах”, в “Двадцати днях без войны”.

Между этими картинами были “Старые стены”, где режиссер Виктор Трегубович счастливо угадал ее актерскую и женскую тайну, а актриса бесстрашно взялась за неожиданную, да к тому же еще и “возрастную” роль.

Потом она еще раз удивила меня, согласившись, а вернее, даже напросившись к тому же Трегубовичу в “Прохиндиаду”. Уж там и вовсе не “ее” роль — ни красоты, ни элегантности, замученная жизнью, затыканная женщина неопределенных лет, по-своему, может быть, прогательная и наивная. И как она это сыграла!

И еще раз удивила: уже год назад, когда мы с Александром Калягиным, взявшись после смерти Трегубовича за постановку “Прохиндиады-2”, думали, как бы разннообразить роль нашей героини, может быть,

одеть ее эффектно в современном вкусе, а Гурченко сказала: ничего не надо — как была халдой, так и осталась...

Характер у нее нелегкий. Может обидеть. Но ведь как расцветает, когда рядом талантливый партнер. Сколько сразу и любви, и нежности.

Она актриса, и этим все сказано.

Это такая жизнь, в которой все твои радости, встречи, разочарования и потери, смех и слезы — все без остатка “идет в дело”, переплавляясь в чистое вещество искусства...

Как странно мы живем! Проклятая профессия то сближает нас, то отдаляет, сводит и разлучает на годы. Можно и пять лет не встретить человека, с которым, кажется, сдружились навеки. Вдруг столкнулись где-то на студии, в коридоре, расцеловались, как родные: “Ну как ты?” — и разбежались — до новой картины. Все на бегу, на бегу.

Сегодня как нельзя более подходящий повод остановиться и сказать:

— Здравствуйте, Людмила Марковна! Как живете? Вам, я слышал, исполнилось сколько-то лет. Не спрашиваю, сколько, да это и не имеет значения. Дарование не знает возраста. В вас, по крайней мере, я не заметил перемен. И ваше “тру-ля-ля”, как вы это называете в своей книге, осталось при вас. И “Соломенная шляпка” вам к лицу! Вы умница, вы чудо. Счастья вам. В искусстве, в работе — а в чем же еще!